

ДОРИАНА

Дурацкая женщина

сборник рассказов

18+

До Дурацкая женщина. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54069182

SelfPub; 2021

Аннотация

Демоны мужчины пожирают внешний мир. Демоны женщины пожирают ее саму. В этом сборнике четыре рассказа, четыре не нашедшие покоя и счастья женщины. Одна из них боится призраков прошлого, другая – сама, как призрак, одинокая и неприкаянная. Здесь есть ужас перед собственным дитя и разрушительная ненависть к матери. У каждой своя трагедия, и каждая по-своему дурацкая.

Содержание

Признак Виты	4
Лучшее лекарство	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

До Дурацкая женщина. Сборник рассказов

Признак Виты

Кристина оставила дочь в гостиной смотреть телевизор, а сама тихонько вышла из дома и, стараясь совладать с дрожью в руках, прикрыла дверь. Муж вернется с работы через час – за это время надо убедиться, что все хорошо, и постараться скрыть накотившую панику. Степа не поймет и в самом безобидном случае смолчит, но, если снова рассмеется и подхватит в объятия Витку, указывая ей на мамину тревогу, это будет слишком. В такие моменты ей кажется, что муж и дочь в сговоре. Он кружит девочку по комнате, развевая ее летний ситцевый сарафан, под которым танцуют в воздухе две пухлые ножки в красных сандалиях. Дом наполняет счастливый визг счастливого ребенка, и никто в этом доме, кроме самой Кристины, не хочет поверить в то, что ребенок этот не ее. Не их. Что в пряном от цветущей сирени воздухе танцует подменыш.

Женщина сошла с крыльца и, стыдясь своей тревоги, направилась к грядке с зеленью. Сегодня в обед Кристина за-

топила свой небольшой огородик, вслушиваясь в шелест капель дождя, который сама же и сотворила. В белоснежных комнатных тапочках она ступила в размякшую после обильного полива почву. Между пальцами просочилась земля, и ощущение сырой прохладной грязи, в которую она забрела, немного отрезвило. Если муж вернется раньше, то она вышла для того, чтобы нарвать зелени для салата. Женщина замерла на месте и обернулась на дом: из открытого окна гостиной доносился визг и бляение каких-то мультяшек. Разве ее дочь смотрит телевизор на такой громкости?

В нижнем ящике своей прикроватной тумбочки у Кристины припрятан блокнот. В его укромной середине выписаны четыре отличия, по которым она узнает, что время от времени ей улыбается подменыш.

Первый признак – голос. Вита говорит выше, тогда как появляющаяся в их доме девочка порой опускается чуть ли не до мальчишеских нот. Тогда Кристина старается говорить с ней больше, несмотря на страх и отвращение, она смешит ту, что притворяется Витой, чтобы различить в ее хохоте как можно больше чуждости.

Второй пункт – отношение к маме и папе. Голубоглазая нежная Вита – поистине мамина дочка. В те дни, когда тревога кажется абсурдной и призрачной, объятия ребенка становятся такими нежными, будто девочка, наскучавшись по маме, не хочет ее отпускать. Сколько раз Кристина хотела спросить, где же ее прячут то время, когда появляется вто-

рая Вита, которая подпускает к себе мать, как преследующее ненужными ласками недоразумение.

«Вита с болотными глазами» – единственный внешний признак, который Кристина смогла заметить у девочки, в которую муж отказывается верить. В пушистых ресницах дочери будто разливаются два зеленоватых болотца, зрачки расширяются, не обращая внимания на солнце, и зияют, как донышки чужой пугающей темноты. Такие глаза Кристина уже видела. Усталые, полные неприязни и превосходства.

За четвертым отличием, скользя по мокрой высокой траве, женщина осторожно двигалась в сторону окна, из которого время от времени доносился смех.

«Моя дочка смеется звонче», – подумала Кристина, заворачивая за угол дома и прижимаясь спиной к стене. Их сад утопает в зелени, соседский дом скрывается за таким же буйным цветением – о зеваках можно не беспокоиться. Главное, чтобы Степан не вернулся раньше – она не хочет снова смущать его своим поведением. В этом вопросе Кристина выбрала одиночество: лучше убедиться самой, а потом решать, что делать.

Веселое бляение под простенький аккомпанемент какой-то детской песенки становилось все отчетливее. Телевизор работал на такой громкости, что девочка не могла услышать приближающихся за окном шагов. Ветер толкнул голубую тюль через открытую форточку. В этом неясном, будто туманном окружении, запрокидывая головку, заливалась

смехом маленькая тень. Через стекло и шторы можно было различить лишь убранные в хвостик тонкие косички, и бретели-бантики от платица на голых пухленьких плечиках. Перед ней её дочь. Там, по ту сторону стекла, её маленькая Вита, которая появилась на свет в последний день лета, а уже спустя первую неделю осени произошла первая подмена.

«Я не чувствую, что это моя дочь», – сказала Кристина мужу после кормления, когда девочка неожиданно взглянула на мать своими заблоченными глазами. Тогда, в первый раз, он не поверил ей, тогда же прочел вслух статью обо всех возможных страхах молодой матери. Подмена значилась чуть ли не на первом месте, но женщина и не думала о том, что такой подменой могли заниматься люди.

– Ты думаешь, что кормишь старуху, которая подселается в нашу дочь? Крис, это мания, бред! – Степан держал жену за руку, пока Вита посапывала на располневшей маминой груди, и пытался понять, что с ней происходит.

– Мне... Порой мне кажется, что она слишком похожа на твою мать! Я с ума схожу от мысли, что это наблюдает за мной через Витку!

– Ты вообще себя слышишь? – Степан сказал это устало и обреченно, как иногда говорил со своей матерью, – о сыне лучше подумай, он уже тебя шарахаться начал.

Тогда Степан понял, что погорячился. Жена боялась: сознание после родов могло резонировать с любой, даже самой нелепой тревогой. В ту первую осень жизни Виты ее мама

смирилась со своим страхом, как с диагнозом, но старалась не смотреть в глаза дочери, когда они меняли цвет.

Блокнот появился только на третьем году жизни Виты, когда четвертый признак проявился в первый раз. Если все окажется правдой, то мир, с которым Кристина и так пыталась мириться, окончательно рухнет.

Женщина наблюдала в окно за ребенком, который скоро побежит навстречу отцу, совершенно не обращая на нее внимания. В такие моменты она лишь смотрела на мать чужими страшными глазами, испорченными недетской усталостью и злобой.

Кристина наклонилась за поливочным шлангом. Руки так дрожали, что, казалось, она пытается поднять змею. Переключатель насоса слева – стоит только дотянуться, вставить большой палец в отверстие шланга и устроить неожиданный ливень для того, кто находится в доме. Первый раз Вита испугалась дождя в начале прошлого лета. Она забегала по комнате, ища укромное место и крича, что вода с неба заразит ее болезнями тех, кто туда отправляется. Тогда девочка сорвала голос до хрипа и искусала себе руку. Следующего дождя мать ждала, как самого большого кошмара, но дочь вела себя спокойно. То, что было в ней, избегало появления в дождливую погоду, а женщина записала четвертый пункт: «Панически боится дождя», поставив напротив неуверенный знак вопроса.

Сегодня Кристина сможет контролировать дождь, ей хва-

тит и десятка секунд, чтобы увидеть реакцию того, кто гостит в дочке. За это время оно не успеет причинить ей вред, только испугается грохота тяжелых капель и выдаст себя своим же страхом.

«Ну же, покажись», – Кристина крепче сжала в руке поливочный шланг. Девочка в доме захлопала в ладоши. Через окно на экране виднелось яркое выпуклое слово из разноцветных букв: «Конец». Медлить нельзя – теперь в любой момент Вита может сорваться с места, и вся затея полетит к чертям.

– Конец, – прошептала женщина и наступила ногой на выключатель. Струя воды разлетелась вихрем грохочущих брызг по стеклу, и маленькая тень в доме вздрогнула. Вита прижала ладони к ушам – так может испугаться неожиданного шума любой. Кристина отступила на шаг, продолжая поливать окно и стену, чтобы капли забарабанили по всей комнате. Пока все тихо. Женщина почти верит, что через минуту девочка выскочит из дома, и они вместе рассмеются над маминой шуткой. Все кончено, никаких признаков нет, а Кристине действительно нужна помощь, и она ее получит. Оставит попытки разглядеть в глазах дочери чужую уставшую темноту и услышать ее голос другим.

Замолкший шланг опустился на землю мертвой змеей. В наступившей тишине что-то загремело. Громоздкое и злое, потому что вслед за этим грохотом раздался короткий жалобный визг.

Кристина поспешила в дом, готовая к тому, что придется искать дочь. Перепуганную, зажатую в каком-нибудь углу, из которого она вытащит ее, чтобы успокоить. И уже не важно, кто будет дрожать в ее объятиях.

Дом встретил её враждебной тишиной. На пороге гостиной разлилась бесконечная темнота, за которой Кристина больше ничего не разглядит в своей жизни.

Большая тумба, заставленная техникой, стояла косо. Телевизор, пару минут назад возвестивший весёлый разноцветный конец, валялся среди комнаты в окружении сорванных с кресел покрывал и опрокинутых цветочных горшков. Земля перемешалась с кроваво-русый месивом растрёпанных, прилипших к полу, косичек девочки.

Ее головка повернута к маме, а глаза распахнуты и неподвижны. Через пару шагов Кристина узнает их цвет.

Лучшее лекарство

От неожиданного стука Лиза вздрогнула и открыла глаза. Десять утра, а кто-то уже нагло ломится в дверь и жизнь.

– Сашенька, вставай! – девушка вцепилась в накаченное теплое плечо спящего рядом мужчины, – одевайся скорее и подожди меня на кухне.

Парень сел в кровати, потер ладонями заспанное помятое лицо, в которое секунду спустя прилетела его мятая футболка.

– Блин, чего ты мечешься? Обязательно открывать?

– Обязательно! – Лиза чуть не взвизгнула, когда ей показалось, что в замке поворачивается ключ. Уже одетая, она наспех провела расческой по волосам, и схватила приятеля за руку.

– Оденешься на кухне!

Стук не смолкал, пока Лиза шла к двери. Это вселило надежду, что возможно, она ошиблась. Что на пороге соседка, промоутер, тетка из ЖЭКа – кто угодно, только не...

Мама. Привалившись по привычке плечом к стене, (на розово-бежевой краске уже осталось засаленное серое пятно) с огромным, набитым чем-то мягким, пакетом стояла сама Королева-мать. Колонизатор всех свободных стран, которые когда-либо рождались в душе дочери.

Лиза старательно улыбнулась, будто с трудом растягивая

резиновую маску, изображавшую вечное почтение при виде матери.

– Спала что ли? – Ольга Семеновна по-хозяйски закрыла входную дверь на замок и всучила пакет Лизе. Сама, кряхтя и охая, села на маленький пуфик и стала расстегивать зимние сапоги. Девушка с тоской посмотрела на толстые материнские икры – они как подарок злой феи при рождении.

– У меня сейчас ученик. Мы слушали живые выступления Есенина, и я не сразу услышала стук.

Все с тем же кряхтением выпрямив спину, мать скинула второй сапог и, наконец, обратила внимание на мужские ботинки:

– Ладно, в комнате посижу подожду. Чаю мне тогда сделай, как проводишь.

Чуть не взвыв от злости и досады, Лиза понесла пакет в спальню. Поспешно осмотрела комнату; не осталось ли чего неуютного матери. Набросила скомканное покрывало на мятую простынь и мельком заглянула в пакет.

На самом верху лежала какая-то желтая тряпка.

«Ненавижу желтый», подумала Лиза и прошла на кухню, закрыв за собой дверь.

Саша не хотел понимать ни образа революции в лирике Есенина, о чем Лиза преувеличенно громко рассуждала, ни внезапных прятков на кухне. И вообще, почему нельзя было просто остаться в постели, дожидаясь, пока незваные гости уйдут. Сама Лиза даже не рассматривала эту мысль – у ма-

тери есть ключи, и лучше открыть ей самой, чем поспешно одеваться под ритм тяжелых, будто вбивающих гвозди, шагов матери.

Свисток чайника просигналил вовремя – Лиза нечаянно ойкнула, когда Саша ущипнул ее за сосок, и тут же вскочила с места:

– Тебе уже пора. Давай спишемся вечером и погуляем.

Парень, казалось, не расстроился. Он хмыкнул, захлопнул книжку и посмотрел на Лизу таким взглядом, с каким обычно крутят у виска.

– Вечером я буду занят. Папа приедет.

Последнюю фразу Лиза поняла правильно, и, уже провожая друга до двери, даже не удивилась, что он не поцеловал ее на прощание.

Перед дверью собственной спальни Лиза замерла; глубоко вдохнула и медленно выдохнула. В горле стоял ком – злость и обида грозили вырваться наружу. Толкнув дверь, девушка с трудом натянула необходимую улыбку и осторожно зашла, не поднимая блестящих покрасневших глаз от чашки чая в руке.

Ольга Семеновна, к счастью, ничего не заметила, она была слишком увлечена раскладыванием чужой непонятной одежды по кровати.

– Вот. Элка тебе из Москвы передала. Сама она в это после родов уже не влезает, а вот тебе в самый раз будет. Нака, примерь, – она выудила наугад ту самую желтую тряпку

и приложила к груди дочери. От блузки пахло лежалым, на правом рукаве Лиза заметила бледно-коричневый треугольник – пятно от утюга.

– У меня достаточно своей одежды, мама, – тихо, но твердо сказала Лиза.

– Чернота, да серота у тебя сплошная. А это красивые, яркие вещи. В столице в таких ходят! Может хоть в них себе кого-то найдешь.

От готовых вот-вот брызнуть слез девушку спас испуг. На тумбочке лежала блестящая фиолетовая бумажка – обрывок упаковки от презерватива. И как она могла ее пропустить? Очевидно, что мать сама положила мусор на видное место. И молчит она явно не из такта.

Она просто не догадалась что это.

Именно в этот момент Лиза поняла, что больше не может терпеть. Ее выворачивало от разбросанных по постели, еще хранившей запах мужчины, чужих тряпок, от собственной натянутой улыбки. Больше всего на свете ей хотелось блевануть на эту сраную столичную блузку и остаться в одиночестве.

Окончательно Лизу добила именно бумажка, о предназначении которой мать не догадалась. Она ни разу в жизни не видела подобного. Она зачала Лизу от бесплотного духа, который влетел в открытое окно, пока она либо молилась, либо убиралась. И так же неожиданно вылетел, очевидно испугавшись, что его тоже заставят молиться и убираться.

Одинокая озлобленная старуха, приготовившая дочери три главных подарка: уродливые толстые икры, тотальный контроль и полностью схожее со своим будущее. Лишенное радости, лишенное мужчин. Будущее, в котором самым ярким пятном будет доставшаяся от брюхатой родственницы желтая блузка.

– Мне не нужны все эти вещи, – Лизе представила, как после этих слов треснуло небо и огромный кусок летит ей прямо на макушку.

– В смысле? А для кого же это все? Зачем Элка передавала? – Ольга Семеновна как-то сразу вспотела, покраснела, и одновременно побелели костяшки пальцев, сжимающих злополучную блузку.

– Я не знаю, для кого она все это передавала, но носить я это не буду! Забирай все и уходи сама! И не смей больше приходить без звонка! – Лиза и сама ощутила, как на щеках разгорелся огонь, а ладони похолодели и вспотели. Её лихорадило, сердце бешено колотилось, а где-то внутри зарождалась эйфория, опьяняющая все больше, заставляющая кричать все громче.

Не дожидаясь, пока мать очнется, она вырвала у нее из рук блузку и швырнула в общую кучу. Сгребла все за один раз и затолкала в пакет, после чего всучила его матери, у которой от выступивших слез остекленели глаза, и побежала в прихожую.

– Вон! – девушка закричала так, что связки тут же отозва-

лись сначала острой, потом тупой ноющей болью. Это стоило того, чтобы мать, как под гипнозом, затолкала свои икры в зимние сапоги, сняла с вешалки пальто и молча вышла за дверь.

От грохота, с которым Лиза ее захлопнула, залаяла соседская собака.

Остаток дня прошел в дурмане. Счастливая и обновленная, Лиза летала по комнатам, которые решила хорошенько вычистить после ухода матери. Она сняла посеревшую, пахнущую пылью тюль, вытряхнула из шкафа одежду, набила два пакета "бабкиными" юбками и свитерами. Неохотно стащила простынь и наволочки и пока несла их до бельевой корзины все вдыхала и выдыхала непривычный мускусный запах.

На выходе из ванной Лиза встала, как вкопанная – силы и вдохновение иссякли так же неожиданно, как появились. Эйфория закончилась – вернулась тревога. Еще один подарок злой феи, которая ее родила.

Сначала выступили слезы, а потом не получилось вдохнуть. Хватая ртом воздух, девушка беспомощно осматривалась по сторонам. Ей казалось, что она умрет если не в эту, то непременно в следующую секунду. Сердце ошпарит кипятком сильнейшей боли, и оно не выдержит. Держась за стену, которая, казалось, плыла куда-то под онемевшей рукой, Лиза опустилась на пол.

В такие моменты ей казалось, что проще совсем не жить,

чем постоянно ощущать себя на грани.

С трудом, сбиваясь после каждой десятки, она досчитала до шестидесяти и стала осторожно подниматься, будто боясь уронить и разбить себя. Прошаркав по-старушечьи, добралась до кухни, налила воды и села за стол, на котором еще лежали разбросанные книжки – быстрые декорации, приготовленные исключительно для матери.

Лиза включила смартфон – разумеется, Саша не звонил. Разумеется, Саша не писал. Девушка открыла «календарь тревоги» и отметила день черным, если так пойдет и дальше, телефон ей потребуется только ради этого.

Ну или чтобы ответить на звонок матери. А потом снова зайти в календарь и снова отметить день черным.

Этих черных дней у Лизы накопилось немало. Все началось со школьного вечера в седьмом классе, вместо которого девочка отправилась в свою комнату, все еще ощущая пожар на лице от грубой мочалки. Мать так разозлилась на тушь и помаду, будто дочь явилась к ней в традиционном раскрасе вражеского племени. Опала насчет косметики захватила и выпускной – на снимках испуганное бледное пятно в блекло-салатовом облаке с плеча тетки. Той самой разродившейся столичной Элки.

Может, что-то было и раньше, но очевидно незначительное, если Лиза не могла вспомнить. Все началось, когда девочка стала превращаться в девушку. И мать, как извращенный китайский торговец детьми, старалась запрятать дочь в

тесный сосуд, вылепить по нужному подобию, изуродовать естественный рост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.